

Посвящается Моргану

первая часть

мальчик- дикарь

1

Корзинка из сковородки – как огромный металлический цветок с дырочками. Какой-нибудь Стальной гигант¹ мог бы носить такой на лацкане пальто. Раньше, пока я не стал родителем, подобных идей у меня не возникало. Но благодаря ребенку приходится обновлять в памяти столько всего – не помнишь даже, что когда-то всему этому учился: как поворачивать дверную ручку, или как мыть руки, или как надо смотреть на обычные предметы кухонной утвари, чтобы они превратились в конце концов в совершенно абстрактные объекты.

– Дья – дики – ду-у, – сообщает Морган, и болтовня эта, обращенная куда-то в сторону, будет продолжаться до тех пор, пока он не ускачет в другой конец дома. Поднимаю глаза на Дженнифер, она смотрит на меня: мы оба пожимаем плечами. Ему два года, уже ближе к трем, и язык у него свой, собственный.

«Смена» Дженнифер – в основном ночь и раннее утро. Я с Морганом – до полудня и по вечерам. Днем у нас обычно передышка. Я в это время могу полистать «Заметки и вопросы» – переплетенные тома Викторианских времен – у себя наверху, посмотреть лондонские газеты онлайн, привести в порядок свои вещи и канцелярские принадлежности. Иногда – не поверите – я пишу. Дженнифер идет в спальню, где разбросаны кроссворды, многочисленные палитры для живописи и акриловые краски. Возвратившись оттуда со своей блочной тетрадкой на спирали, она направляется в местную кафешку, где у нее есть любимый письменный столик. В это послеполуденное время мы оба можем заняться работой: сына опекает наш старый друг Марк, который

¹ Герой одноименного фантастического мультфильма 1999 года, основанного на романе Теда Хьюза «Железный человек». – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

стал ему практически нянькой. Но сегодня Морган проводит эти часы с нами.

Мы идем за Морганом в спальню, где он листает увесистый том медицинского справочника, взятый с полки. Так, изучаем сердечные расстройства, в самом начале книги. Он берет мой палец словно указку и тычет им в слова.

– Врач... может... заподозрить... ох, эндокардит...

Он сильнее сжимает мой палец над этим словом, требуя объяснения.

– Морган, это... ну, это сложное слово.

Он отталкивает мой палец – все, со мной разговор окончен – и возвращается к перелистыванию страниц. Дальше болезней лимфатической системы он не идет, и это хорошо, пожалуй: следующий раздел, посвященный профессиональным заболеваниям легких, – явно не самое подходящее чтение для малыша.

– Эй, Морган, – зовет Дженнифер. – Морган!

Он продолжает листать страницы.

– Эй, Морган. Мы сегодня на такси поедem, на желтом такси. Все вместе, на желтом такси.

– Жожи, – повторяет он. Этим словом у него обозначается желтый. – Жожи такси.

– Да, точно. Ты сегодня поедешь на желтом такси! С мамой! И с папой!

Он не отрывает взгляда от страниц, но на лице появляется легкая тень улыбки – не распознаваемая никем, кроме нас.

– Морган, – напеваю я, – *Мо-о-орган...*

Он поворачивает страницы еще внимательнее, не обращая на меня внимания.

– Мор-ган. Я знаю, что ты. Я знаю, *ты*. Я знаю, ты слушаешь. Ноль реакции.

– Морган. *Моррр...* Давай-давай-давай!

Я прыгаю на него, он раздражается истерическим хихиканьем. Это для него лучшая шутка, с самого раннего возраста.

– Осторожнее, малыш. – Он дергает витой черный провод от докторской лампочки для проверки ушей, висящей на стене. – Аккуратно. Мы не можем это сломать.

О, мы можем, и еще как.

– Аккуратнее. *Аккуратнее.*

Я лихорадочно шарю в сумке, которую Дженнифер собрала для поездки: наборы карточек, набор для письма, книги, призванные занять Моргана во время ожидания перед кабинетом врача. Вылавливается тоненькая голубая книжка в твердом переплете.

– *Кошка!* – говорит Морган твердо. – *Шляпа!*

И сейчас же его внимание снова переключается на шнур. Открывается дверь; мы с Дженнифер поднимаем глаза.

– Здравствуйте. Я – доктор Вэйлен.

– Дженнифер, – моя жена пожимает протянутую докторшей руку.

– Меня зовут Пол. А это – Морган.

Морган по-прежнему исследует провод, дергая его туда-сюда.

– Итак... – врач смотрит на него вопросительно поверх своих записей. – У вас плановое обследование трехлеток?

– Нам еще рановато, на самом деле, – начинает Дженнифер.

– Мы только недавно переехали сюда, – объясняю я. – С его последнего обследования прошло еще совсем немного времени, и мы вот обнаружили...

Я теряюсь. Больше сказать, в общем-то, нечего, поскольку с ним не происходит ничего очевидно «не такого».

– О'кей, – говорит доктор. Она начинает задавать нам стандартные вопросы: проведенные по графику прививки, последние перенесенные заболевания; потом обследует его маленькое крепкое тело. Морган игнорирует ее, занятый пуговицей на моей рубашке. Доктор проделывает обычные врачебные манипуляции, и Морган с силой выдергивает ушной зонд, как сделал бы всякий чувствительный ребенок.

– Хорошо слышит? – спрашивает доктор.

– Слышит, когда я разворачиваю на другом конце дома упаковку с чем-нибудь вкусеньким.

– Хм... – она опускает свои записи. – Не обследовали его на предмет задержки развития?

– Что-что? – мы с Дженнифер удивленно смотрим на нее.

– Ваш ребенок ни слова не сказал за последние пять минут. Потом, – доктор отступает на несколько шагов назад, к двери, –

он даже не взглянул, когда я вошла, когда я назвала его по имени. Когда потрясла игрушкой.

Она снова дребезжит довольно невыразительной погремушкой.

– Да он очень послушный ребенок, – объясняю я. – Ему до вас просто нет дела. Что в этом такого?

– Морган, – говорит доктор, – хочешь наклейку?

Несколько секунд она держит перед ним мрачную маленькую картинку с плюшевым медведем, затем отступает.

– Даже не взглянул.

Я тоже не стал бы на это смотреть.

– Ну да, он такой, – говорит Дженнифер. – Если он на чем-то сосредоточился, то вы что угодно можете держать в руках и кто угодно может в комнату войти. Он взаимодействует, но только когда ему нравится.

– Это нетипично для его возраста, – настаивает доктор. – Да и с вами-то он не использует речь тоже.

– Он говорит... Ну, как сказать, он зачарован языком. В годик выучил алфавит.

– Неужели?

– Да-да. Сейчас слова читает, фразы.

Дженнифер достает доску для набросков, которую Морган заставляет нас повсюду брать с собой.

– Смотрите, – Дженнифер обращается и к врачу, и к Моргану. Рисует на доске гроздь круглых плодов с веточкой и подписывает: «ВИНОГРАД».

– *Винаглад!* – вопит Морган.

Затем Дженнифер пишет: «АЛМАЗ». Она еще не успевает нарисовать картинку...

– *Авмаз!*

Я поворачиваюсь к доктору:

– Еще он умеет считать до двадцати.

– И это тоже необычно для двухлетки.

Морган настойчиво тянет мамин палец снова к доске. На этот раз она пишет на ней цифры.

– Он и в обратном порядке умеет считать, – с надеждой в голосе говорит Дженнифер, и я с энтузиазмом киваю, отчаянно ища хотя бы тень одобрения на докторском лице.

Но одобрения нет.

– Ему больше нравятся написанные слова, чем устная речь?

– Да. В смысле, говорить он может. Но предпочитает этого не делать. Он не просит словами, когда ему что-то нужно. Мы стараемся ему подсказывать, но он все равно не делает по-нашему. И при этом повторяет песенки или то, что прочитал в книжках.

– Не применяя это для взаимодействия.

– Ну...

– Тли плюс два.... лавно.... пять! – вдруг триумфально объявляет Морган.

– Точно! – я ерошу ему волосы и снова поворачиваюсь к врачу. – Он и с компьютером может управиться, сам включить.

– А на ваши инструкции при этом не реагирует?

Он *считает*. Умеет *читать*.

– А отвечает ли Морган...

– Нет, нет. Пожалуй, нет.

– Хм...

И она снова что-то записывает у себя.

– Он понимает *нас*, – добавляет Дженнифер. – Мы понимаем *его*.

– При этом он не социализируется, не пользуется вербальной речью.

– Он и играет с нами, – объясняю я. – Он вообще счастливый ребенок. И умница.

Врач убирает свою авторучку.

– Я полагаю, – говорит она, – вам стоит подумать об обследовании на задержку развития. Возможно когнитивное нарушение.

В результате я чувствую головную боль. Поворачиваюсь к сыну, счастливо проигнорировавшему весь разговор. Он снова увлеченно теребит черный витой шнур от лампы: щелк, щелк, щелк.

К нашему возвращению домой Морган задремал, и я занушу его на руках в комнату прямо в детском автокресле. Мы с Дженнифер, тяжело опустившись на кушетку, смотрим на спящего ребенка. Выглядит он вполне довольным, и при этом... Как это так получилось, что час назад мы уехали из дома со здоровым ребенком, а вернулись – с больным?

– И что теперь? – вздыхаю я.

– Не знаю.

Все стало теперь неожиданно другим: а вот то, как он спит, это ненормально? Смешной звук, который он издает, когда доволен чем-то? Тот факт, что мы не можем добиться от него названия своего имени, и при этом он любит повторять слова за нами? А еще... да нет же, черт возьми, у него нет никаких отклонений. Мы бы заметили. У него... у нас – у нас все было в порядке до сегодняшнего дня.

– Нелепо, – я просматриваю длинный список вопросов и оценок, выданный врачом, и отшвыриваю его в сторону. – Он чудесный. Они просто никогда не видели таких.

Морган сопит в своем кресле. Вдруг губы его причмокивают, и затем он возвращается к блаженному сну.

– Знаю.

Повисает долгая пауза.

– А на консультацию все-таки придется съездить.

– Наверное.

При этом на самом деле ведь ничего не изменилось. *Ничего не произошло.* Он – тот же мальчик, что и был всегда; да и мы – те же родители, что были раньше.

– Ну а что если вдруг...

Ее вопрос повисает в воздухе.

– Если они что-то найдут?

Она кивает.

– Не найдут.

– Ну а если да?

Просто он проходил обследование, вот и все. И... и... да как это вообще можно допустить? Дженнифер смотрит на меня и гладит по плечу:

– Давай-ка я побуду с ним. У тебя сегодня совсем не было твоего личного времени.

– Пожалуй.

– Все у нас будет хорошо.

Я поднимаюсь по скрипучей лестнице в мансарду, стараюсь не наступить на дырки в досках и торчащие гвозди: я – единственный, кто сюда поднимается, и пора уже, наконец, взяться за

ремонт лестницы. Распаковывать вещи после переезда я тоже, наверное, никогда не закончу – на картонных коробках в моем домашнем офисе лежат стопки тетрадей и блокнотов, на столе угрожающе пошатываются пирамиды старинных томов, и везде снежными горными пиками возвышаются стопы библиотечных фотокопий. «ПИТЕР», – гласят небрежно приклеенные к ним бумажки. В другой стопке – черновики книги о Питере, написанные по большей части неровно и небрежно. Никак не могу привести их в порядок. Кое-чего здесь не хватает, и я до сих пор еще не определил, чего именно.

Я останавливаюсь и бесцельно смотрю в окно. Что если все-таки это *правда* и с ним что-то не так?

Возвращаюсь к своим записям и начинаю их просматривать. Впервые я столкнулся с Питером в прошлом году, когда мы жили в Уэльсе. Я с интересом листал найденную мною старую, ветхую книгу в кожаном переплете – «Необычные и замечательные характеры»; именно из этой книги я и узнал про Питера, дикого мальчика. Глядел он куда-то в пространство, по крайней мере – за пределы книжной страницы. Я никогда не слышал о нем раньше. Да что там – ныне он вообще почти никому не известен, поскольку написанной биографии Питера не существует. Но были времена, когда практически каждый что-нибудь да слышал о мальчишке-дикаре и его чрезвычайно странной жизни: этот сначала практически бессловесный, дикий ребенок дурачился перед двором короля в Кенсингтонском дворце, встречался с Дефо и Свифтом, находился у истоков романтизма, зоологии и даже теории эволюции.

Питер преследовал меня. Я успел пару раз переехать, увидеть превращение сына из новорожденного в почти трехлетнего мальчика, написать несколько книг... и не мог все это время выкинуть Питера из головы, сам не знаю почему. О самом Питере не было сказано почти ничего. Он был молчаливой загадкой; чем больше я читал о нем, тем больше узнавал о людях, его окружавших. Питер оказался зеркалом для людей своей эпохи: он отражал их мысли и грезы и практически не раскрывал себя. Каждый, кто заглядывал Питеру в глаза (всегда отведенные в сторону), узнавал что-то о себе самом и о том, что же это такое – быть человеком. Так получилось, что и я стал одним из таких людей.

Самые первые сообщения поступили от лодочников, курсировавших по реке Везер: странное существо выходило к реке из Черного леса и скрывалось на берегу. Из жалости к необычному животному люди стали оставлять ему еду. Когда же жители города Гамельна отважились сунуться в лес в июле 1725 года, их глазам предстало зрелище, к которому они были явно не готовы. В лесу, не обращая на их присутствие никакого внимания, обитало самое редкое из диких животных: человек.

Он был похож на мальчика лет двенадцати; нагой и грязный, со спутанными длинными волосами, но все же – без сомнения – мальчик. Жители видели его на расстоянии: он прятался в дупле дерева, употребляя в пищу желуди, траву и съедобные растения. При движении – и бегая по полю, и карабкаясь по деревьям – он использовал все четыре конечности. Свидетели утверждали, что по деревьям он передвигался не хуже белки. Бесшумно проследив за его перемещениями, жители города окружили дерево, чтобы заставить мальчика слезть.

Такова одна история. Есть и другая, от местного фермера Мейера Юргена. Некоторые утверждали, что именно Юрген нашел ребенка первым, и вовсе не в лесу. Мальчик был обнаружен на пастбище жадно присосавшимся к коровьему вымени. Увидев приближение фермера, испуганный ребенок начал буквально разрываться между желанием убежать и остаться пить молоко; но Мейер, которому приходилось приручать самых разных животных, завлек оголодавшего ребенка в дом с помощью нескольких яблок.

Что ж, обе истории правдоподобны. «Приручить» парня было невозможно, он запросто мог сбежать от Мейера и быть впоследствии найденным в лесу. Посему в ноябре 1725 года гамельнские бюргеры решили для безопасности поместить юного подопечного под надзор в тюремную камеру в близлежащем городе Зель. Это был узник не только без преступления, но и без имени; обнаженный и бессловесный, он не давал никаких ключей к загадке своего происхождения. За диким неговорящим существом закрепилось имя Питер.

Когда малолетнего заключенного помыли и одели, оказалось, что он, в общем-то, мало чем отличается от других мальчиков этого города. Внешностью он не выделялся среди жителей ре-

гиона, необузданная масса его волос поддалась, наконец, гребню; между двумя пальцами сохранился кусочек когда-то повязанной тесемки, а на теле не было никаких дефектов, из-за которых его могли бы бросить. Кроме того, мальчик оказался и не совсем бессловесным: кое-какие звуки он все же издавал, однако они не походили на человеческую речь. Производя впечатление глухого, он все-таки не был таковым: ни оклик по имени, ни близкий выстрел не заставляли его вздрогнуть, в то время как на треск раскалываемого в нескольких комнатах от него ореха Питер реагировал моментально, тотчас же устремляясь на звук в радостном предвкушении. Будучи робким, он казался абсолютно счастливым в своем одиночестве; при этом он был достаточно добродушно настроен, когда замечал людей вокруг себя.

В других отношениях мальчик-дикарь все-таки больше походил на животное, нежели на человека. Он так и не начал есть ничего из приготовленной еды, которую ему предлагали, предпочитая простую и дикую «диету» из кореньев и орехов. Одежда, которую на него надели, вскоре была в раздражении сорвана. Спать в кровати он также не стал. Надзиратели чаще всего могли его видеть свернувшимся калачиком на полу в состоянии легкой дремоты, но всегда готовым тревожно вскочить.

Единственным признаком, позволявшим строить догадки о происхождении мальчика, был полуистлевший ворот рубашки, но кто надел на него когда-то эту рубашку – родные или Мейер Юрген, никто не знал. При недостатке реальных фактов всегда начинают процветать досужие сплетни: поговаривали, что это, наверное, нежеланный ребенок одной местной женщины, или что он – один из преступников, когда-то сидевших в Зельской тюрьме; другие же считали Питера сиротой-идиотом. Подобные истории легко становятся достоянием гласности в маленьких деревушках, однако в отношении Питера никаких сведений о злодеях-родителях не возникало. Не было очевидно и то, является ли мальчик идиотом: он вроде демонстрировал сметливость и любопытство и выглядел вполне счастливым. Но в чем не возникало сомнений – он точно был *другим*. Хотя кто скажет, как повлияли бы годы дикой одинокой жизни на самого здорового ребенка?

Шли дни, у мальчика-дикаря не объявлялись ни родители, ни другие родственники. Питер оставался один в мире – фактически в своем мире, поскольку он не говорил и даже не встречался ни с кем взглядом. Резвиться по полям было его самым большим удовольствием.

Кто-то меня слегка трясет.

– Они здесь. Они здесь. Уже здесь.

– Что?..

Время – 8:30, полтора часа до начала моей «смены»; ночью я писал до трех часов.

– Они там, около дома, – настойчиво продолжает Дженнифер. – Мне нужно, чтобы ты подержал Моргана, пока я приготовлю им место.

Протираю глаза, натягиваю брюки и спускаюсь, слегка пошатываясь, в гостиную. В нашем новом доме – в скрипучем старинном доме Викторианской эпохи – как-то неестественно холодно. Это грузчики привезли пианино, они держат входную дверь открытой, подложив под нее мягкую подстилку: готовятся втащить в дом столетнее пианино, которое мы получили в наследство от бабушки Дженнифер. Больше года, после нашего переезда из Сан-Франциско в сельскую местность Уэльса, оно хранилось в доме одного нашего друга, и вот теперь наконец возвращается к нам здесь, в Орегоне.

На другом конце комнаты стоит Морган, еще в пижаме, не обращая никакого внимания на грузчиков. Он стоит на низеньком стульчике, придвинутом к столу, и напряженно постукивает клавишами своего «Макинтоша».

– Морган, погляди-ка! Наше *пианино*. У нас теперь снова будет пианино.

Ребенок не поднимает головы, но видно, что он признает мое присутствие рядом, наклонившись ко мне. Я слегка взъерошиваю его светлые волосы, целую в голову; он чуть улыбается и наклоняется ко мне сильнее, покуда не оказывается лежащим на мне всем своим весом. Но и тут он не отрывает взгляда, по-прежнему погруженный в арифметическую программу.

– Че-ты-ле, – сообщает он. – Пять!

В дверь входят трое крепких грузчиков и кивают в знак приветствия.

– Славный малыш, – говорит один из них.

– Да-да.

– К этой стене поставить? – спрашивает другой у Дженнифер. Она как раз убирает большие холсты, чтобы освободить дорогу:

– Да, сюда – в самый раз.

Израненные доски пола тихо постанывают: пианино втискивается через входную дверь, взгромождается на огромную тележку – тяжеленное и опасно свисающее с ее края.

Вдруг Морган срывается со стула и бежит к инструменту; я перехватываю ребенка, и он извивается у меня в руках.

– Подожди, Морган. *Минуточку*. Пока туда опасно подходить, дяди еще его везут.

Мужчины медленно снимают пианино с тележки; когда правый край с легким стуком касается земли, струны словно издают призрачный вздох. Я опускаю Моргана на пол, и он сразу же подбегает к инструменту. *Плинок-плинк-бру-у-у-м*: его кулаки безумно молотят по клавиатуре вверх-вниз, он вытягивает руки во всю длину, охватывая три октавы, и стучит по белым клавишам. Комнату наполняет до-мажорный грохот.

Морган останавливается:

– Йа! Йаа! *Йа-а-а-аяй!*

Затем он стучит кулаками в область солнечного сплетения, усиленно дыша и тряся головой, а следующие пять минут снова выбивает из клавиатуры все возможное. Пока Дженнифер выписывает грузчикам чек, они без всякого стеснения смотрят на это представление.

– *Да, нет, эй-би-си-ди-эф¹, дзинь-дзинь!* – вопит Морган и молотит кулаками по клавишам.

На мгновение он останавливается и поворачивает голову назад, с блаженной улыбкой, не обращенной ни к кому конкретно. Струны, резонируя, гудят еще секунду.

– *А-а-ай-е!* – начинается вновь.

¹ Первые пять букв английского алфавита.

Грузчики собирают свои подстилки и выходят из дома под продолжающийся грохот. Мы с Дженнифер смотрим друг на друга, потом – на нашего ребенка, атакующего фортепиано.

– Ну что, – она старается перекрычать какофонию, – пойдешь дальше спать?

Грохотание пианино внизу продолжается, а мои пальцы двигаются по старой карте. Вот он, Ганновер.

Тогда, в 1725 году, в тех краях было две знаменитости. Первая – это Питер, маленький дикарь с задубелой кожей, который оставался непонятным никому во всей Германии. Другой знаменитостью был выборщик от Ганновера – бледный маленький человек благородного происхождения, о котором никто из его подданных также не имел точного представления. В 1714 году выборщик взвалил на себя такую ношу, которую, вероятно, не хотелось бы тащить никому из здравомыслящих ганноверцев: он стал Георгом Первым, носителем Британской короны. Георг был, несомненно, не худшим из королей, когда-либо правивших Британией, но при этом самым подневольным. За десять лет, проведенных на троне, этот вынужденный монарх так и не удосужился выучить язык унаследованных им дождливых островов; когда ему надоело проводить время с научными редкостями или со своими возлюбленными, он уезжал из сырого Лондона в родные края на долгие каникулы. Вот так и вышло, что однажды ноябрьским вечером 1725 года король отобедал в Ганновере с другой знаменитостью тех мест – бессловесным мальчиком, не имевшем в целом мире ни одного друга.

Питера ввели в столовую, когда король ожидал вечернюю трапезу. Наверное, Питер был единственным человеком в комнате, нимало не озабоченным присутствием в ней Его Величества. Счастливый мальчик занимался в многолюдной комнате своим любимым делом: он карабкался по людям, как можно было бы карабкаться по стенам, в беззаботности своей не обращая никакого внимания на то неудобство, которое он им доставляет, наступая на колени и плечи.

Георг смотрел на мальчика, замороженный. Питеру повязали салфетку, и король стал уговаривать его попробовать расстав-

ленные на столе блюда. Такого роскошного обеда бедное создание, конечно, никогда не видело. Но Питер не очень-то заинтересовался королевской кухней: отвергнув хлеб и изысканные яства, он брал только орехи и бобы – то, что ему было знакомо по лесной жизни. Больше всего он налегал на спаржу и особенно – на сырые луковицы; их он ел словно яблоки, а закончив, выразил свое одобрение постукиванием себя в грудь. Зрелище в целом было столь неаппетитное, что мальчика пришлось увести, чтобы соблюсти королевский этикет. Но Георг отнюдь не был рассержен; напротив, как гласит свидетельство, «Его Величество приказал снабжать <Питера> тем, что он любит, и предоставить ему такое обучение, которое лучше всего приблизит его к человеческому обществу».

Сам Питер, правда, не очень-то был настроен на приближение к человеческому обществу. Он убежал в хорошо знакомый ему Черный лес, где его нашли спрятавшимся на любимом дереве. Решив, по-видимому, что хватит с него цивилизации, Питер не захотел слезать, и почтенным горожанам пришлось рубить дерево. Когда его уводили из Черного леса, он и представить себе не мог, что видит этот лес в последний раз. У мира оказались на него другие планы.

– Итак, – рассказывает нам Отем, – процедура состоит в том, что мы предлагаем ему некоторые задания на время.

Мы находимся в детском развивающем центре, Морган сидит на ковре и катает грузовик по дуге, туда-сюда. Комната полна взрослых: мы с Дженнифер, несколько женщин, у всех на карточках красуется надпись «Портлендская программа раннего вмешательства» – и нашему сыну нет до них никакого дела. Он держит в руках грузовик и крутит его колеса: сначала по одному, затем попарно, потом все разом, внимательно следит при этом, как замедляется их ход, то похлопывая по шинам руками, то давая колесам остановиться самим.

Отем, в недавнем прошлом – несомненно, отличница колледжа, поворачивается к видеокамере в углу комнаты, устанавливает ее штатив так, чтобы камера смотрела немножко вниз, и вставляет кассету. Специалисты сидят за столом в углу, наблюдая

за нашим сыном. Отем включает запись и садится на корточки рядом с Морганом.

– Ну, Морган, сейчас мы с тобой займемся кое-чем веселым.

Он на мгновение поднимает взгляд от грузовика и затем возвращается к верчению колес.

«*Готово!* – это бестелесное сообщение вдруг радостно раздается из видеокамеры. – *Би-и-ип!*»

– Хорошо, – говорит Отем. – Морган, давай поиграем с кубиками.

Она достает коробку с деревянными кубиками и вынимает один.

– Можешь вытащить кубик?

Он бесцельно глядит на коробку.

– Я вытаскиваю кубик, – говорит она. – А теперь ты вытащи.

Вместо этого Морган поворачивается и смотрит на видеокамеру.

«*Готово,* – снова звучит из нее. – *Би-и-ип!*»

Мы с Дженнифер переглядываемся. Да что они тут хотят выяснить?

– Морган... Морган, – повторяет Отем. – Где красный кубик? Где крас...

Он ведет ее палец к красному кубику.

– Молодец! Где желтый кубик?

Морган делает то же самое. Ему по-прежнему хочется смотреть на камеру, но по крайней мере отвечает он верно. Дженнифер сжимает мне руку, и я чувствую, что все происходящее начинает меня тяготить. Отчаянно хочется вмешаться и разведелить ребенка, но нам положено молчать.

– Где голу...

«*Готово!*» – снова вставляет свое «говорилка».

Морган мгновенно поворачивается лицом к камере.

– Внимание! – восторженно вопит он. – Малш!¹

Комнату оглашает смех.

Би-и-ип!

¹ Английское слово *ready* («готовый») совпадает со спортивной командой «На старт!».

– Морган, – улыбается Отем. – Погляди-ка на щеночка. Щеночек!.. Морган?

Каждый раз, когда звучит сообщение про готовность камеры, Морган поворачивается к говорливому ящичку и кричит: «Внимание! Марш!» Именно в этом, чудится ему, игра и состоит. На Отем с ее сумкой, полной игрушек, он обращает мало внимания.

– Морган, ты можешь хлопнуть в ладоши? Вот так... Морган?.. Морган, посмотри на меня. Хлоп! Хлопни своими...

Готово.

– Внимание! – кричит он. – Марш!

Би-и-ип!

Он снова поворачивается к Отем, но на этот раз его заинтересовала ее папка с записями.

– Не надо, Морган, – радостно говорит она, пока он перелистывает страницы папки. – Потом... Морган?

Отем дожидается, пока он снова бросит на нее взгляд, и намеренно делает печальное лицо.

– Ой-ой, – она горестно плачет, пытаясь добиться его реакции. – Ой, а-а-а!

Морган глядит на нее мгновенье, но никак не реагирует. Потом встает и уходит.

Готово.

– Внимание! Марш!

Он подходит к большой дорогущей видеокамере, хватая за штатив, и все присутствующие – а в комнате не менее полудюжины взрослых – замирают на миг.

Би-и-ип!

– Эй! – Я налетаю на него. – Морган, нельзя-нельзя-нельзя. Оставь камеру в покое.

– Ка-ме-ла.

– Правильно, дорогой. Давай-ка вернемся к Отем.

Но он тащит меня за собой. Не нужна ему Отем с ее игрушками и приторными улыбками. Он хочет обследовать штатив.

– Морган...

«Готово!»

– Внимание! Марш!

Я все жду, что они вот-вот закончат обследование, потому что явно ничего хорошего из этого не выходит, но они не заканчивают. Тестирование продолжается, библиканье продолжается, камера не перестает записывать, и снова и снова он не выполняет задания. И специалисты за столиком что-то отмечают у себя не переставая.

2

В марте 1726 года пришел приказ: привезти его в Лондон.

Питер проделал длительное путешествие сначала по суше, а потом морем; путешествие, которое трудно было бы вообразить для человека, еще несколько месяцев назад не видевшего ничего, кроме леса. Таким образом ему была оказана честь, доступная немногим, разве что наиболее уважаемым жителям его деревни, – возможность увидеть крупнейший и могущественнейший европейский город. Далее путь его пролегал к центру города, к самому его сердцу – к воротам Сент-Джеймского дворца. Сент-Джеймс на самом деле не всегда был дворцом: изначально он использовался как приют для прокаженных женщин, но с годами превратился во вполне комфортабельную королевскую резиденцию. Именно здесь Георг предпочитал проводить зимние лондонские месяцы.

К этому времени Питера уже приучили ходить более или менее прямо, а не на четырех конечностях – именно так он передвигался, когда его нашли. Одетый подобающе для королевского двора, мальчик-дикарь с сопровождающими последовал за вооруженным охранником через внутренний дворик, по главной лестнице и затем через комнату гвардейцев в зал, служивший для приема послов. Питер, однако, был столь загадочным послом недоочеловеченной страны, что его решили перевести в Большую гостиную, являющуюся истинным центром придворной жизни. Почти ежедневно аристократы и министры, собравшись здесь, ожидали благосклонного внимания королевской семьи. Кроме того, это было самое лучшее место, где можно было оценить новых посетителей, поэтому именно Большую гостиную использовали для встреч с аристократами, разными необычными людьми, чужестранцами – членами королевских дворов. Правда, та-

кую диковину, как бессловесный мальчик, придворные могли представить себе с трудом.

5 апреля лондонская газета «Вис Леттер» так сообщала о том, как Питера принимали при дворе:

В прошлую пятницу <Питера> представили Его Величеству и знати. Ему, как предполагается, около тринадцати лет, но он при этом не имеет ни малейшего представления о целом ряде вещей. Тем не менее, он уделил больше всего внимания Его Величеству и Принцессе, давшей ему свою перчатку, которую он попытался надеть на руку. Это мальчика, похоже, очень развеселило, так же как и золотые часы, которые он пытался пристроить на уши. Он был одет в синюю одежду; но ему, казалось, тяжело было выносить какую бы то ни было одежду вообще... Как нам стало известно, он будет передан под опеку д-ра Эрбатнота с тем, чтобы врач постарался сделать из дикаря социальное существо и научил его использовать речь.

Некоторым из придворных особенно «повезло» в тот вечер благодаря манере Питера выворачивать карманы окружающих в поисках угощения. Впоследствии предпринимались попытки «предупредить всех леди и джентльменов, желающих встретиться с Дикарем, ничего не носить в карманах во избежание неприятностей в будущем».

«Окультуривание» такого ребенка – задача, требовавшая большого таланта, поэтому король вверил судьбу мальчика в умелые руки доктора Эрбатнота, которого высоко ценил. Нужно было обладать недюжинными способностями, чтобы получить работу при дворе: достаточно сказать, что придворным композитором являлся не кто иной, как Георг Гендель. Питер стал жить в городском доме Эрбатнота, и невозможно было бы придумать лучшего места и времени для погружения впечатлительного мальчика в гущу лондонской жизни. Коллегами Эрбатнота по Королевскому научному обществу были Эдмонд Хэлли¹ и престарелый Исаак Ньютон. Кроме того, Эрбатнот считался одним из лучших лон-

¹ Эдмонд Хэлли, или Галлей (1656–1742) – английский математик и астроном; научно обосновал появление соленой воды в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru